

Абуджа

Уэйл АДЕБАНВИ

Уэйл АДЕБАНВИ. Доктор политических наук и социальной антропологии, адъюнкт-профессор программы афроамериканских и африканских исследований Калифорнийского университета в Дэвисе.
Адрес: 2205 Hart Hall, Davis
CA 95616, USA.
E-mail: anadebanwi@ucdavis.edu.

Ключевые слова: постколониальное национальное строительство, эксцентричные столицы, элиты, национальное единство, паразитирующий город, Абуджа.

Статья посвящена опыту переноса столицы Нигерии и сопутствующим ему обстоятельствам. Автор обсуждает детали переноса столицы Нигерии, официальную и скрытую цели этой меры, а также ее последствия и результаты в контексте этнической и религиозной ситуации в стране. Вместо примирения интересов христиан и мусульман, а также основных этнических групп перенос столицы лишь обострил социальные проблемы страны. Автор анализирует причины, по которым новая столица не позволила достичь тех целей, ради которых она создавалась, — сбалансированного развития регионов, разгрузки старой столицы, примирения и уравнивания интересов этнических групп и обеспечения единства страны. По его мнению, в этом опыте отсутствовали также другие критически важные элементы, а скрытая авторитарная повестка дня предопределила фиаско этого проекта.

ABUJA

WALE ADEBANWI. PhD in Political Science and Social Anthropology, Associate Professor at the African American and African Studies of the University of California.
Address: 2205 Hart Hall, Davis
CA 95616, USA.
E-mail: anadebanwi@ucdavis.edu.

Keywords: post-colonial nation building, eccentric capitals, alites, national unity, parasitic city, Abuja, civil war in Nigeria, post-colonial Africa.

The author discusses the historical background and political circumstances that motivated capital city relocation in Nigeria and its official and hidden agenda of. He describes the outcome and execution of this decision and its impact upon the ethnic and religious cleavages in the country. While the new capital was geared to alleviate the ethnic and religious conflicts within the country and help to reconcile Christian and Muslim communities, in reality it has escalated many of the existing conflicts. The author reflects upon the reasons why the new capital city failed to deliver on its promises and noble goals and exacerbated the problems that it was meant to solve—balanced regional development, national unity, resolution of the congestion and poverty issues of the old capital. The article argues that the project also failed to achieve many other critically important goals and that corruption and authoritarian agenda of the Nigerian leadership determined its ultimate failure.

Построить город — значит воссоздать мир
и воспроизвести общество.

Дж. Монне. Места власти и власть мест
в Северной и Южной Америке¹

ЧИТАЕТСЯ, что столичные города заявляют о себе сами. Часто в них представлено все лучшее, что только есть в их стране, — как в символическом, так и в практическом плане. И все же некоторые столичные города ставят какие-то вопросы в новом ключе. Будучи местом объединения сложных процессов, некоторые столицы могут также предавать и опровергать ту самую идею, которую они, казалось бы, должны воплощать и реализовывать. Таким образом, столичные города могут в равной степени представлять то, что утверждается, и то, что оспаривается.

Федеральная столичная территория (ФСТ) Абуджа, столица Нигерии, сменившая в этом качестве город Лагос, ставит новые вопросы. Идея о новой нигерийской столице с давних времен — со времен затяжной борьбы за перенос столицы из Лагоса, шедшей на протяжении колониального периода, и до выбора нового столичного города в сегодняшнюю, постколониальную эпоху; с момента создания новой политической столицы и до формального перевода федерального правительства в Абуджу — была связана с этнорегиональной, религиозной, социальной, политической и экономической динамикой и различными кризисами, во многом определяющими жизнь этой страны.

Таким образом, решение создать в Нигерии новую столицу и особенности созданного для этого города можно понять в контексте разнообразия представлений, этнорегиональных

Перевод с английского *Марины Бендет* по изданию: © *Adebanwi W. Abuja* // *Capital Cities in Africa: Power and powerlessness* / S. Bekker, G. Therborn (eds.). Dakar; Cape Town: CODESRIA; HSRC, 2011. Ch. 6. P. 83–102.

1. *Monnet J.* Places of power and powers of place in the Americas // *Current Anthropology*. 1996. Vol. 37. № 3. P. 568.

стремлений и задач государства, заставивших правящую элиту принять решение о переносе столицы. Основной, открыто и ясно сформулированной причиной стала необходимость создать «центр единения». Уже эта главная, официально названная причина в достаточной степени отразила задачи национального строительства как в его положительном, так и в отрицательном смысле. Когда в 1976 году в географическом центре Нигерии была приобретена «необжитая земля», предназначенная для строительства новой ФСТ, Абуджи, правительство заявило о том, что проблемы Лагоса, с 1914 года являвшегося столицей объединенной Нигерии, не коснутся новой столицы. И, хотя далеко не все трудности и недостатки, характерные для Лагоса, незамедлительно обнаружались и в новой столице, со временем в Абудже все же проявились прежние, а также возникли новые проблемы, нейтрализовавшие все те причины, которые ранее заставили правящую элиту принять решение о переносе нигерийской столицы.

Исследователи заметили, что «в случае с новыми [столичными] городами проблемы проявляются через создание, организацию, расширение и упрочение систем управления». Будучи «местом ежедневной работы», столичный город может дать «ценные представления о том, как макропроцессы связаны со структурой и материей человеческого существования»². В этом смысле столичный город, в особенности в условиях африканской общественно-экономической формации, можно понимать как пространство, в котором широко проявляются существующие в обществе спорные вопросы, относящиеся к сфере культуры и социальной политики³.

Ввиду существования этих спорных вопросов Абуджа строилась как общегосударственное, коллективное, объединяющее пространство, призванное прежде всего подавить коренных жителей области, приобретенной под строительство новой столицы, и категоризировать их и к тому же преодолеть крайнюю неоднородность этнорегиональных и религиозных связей и идентичностей, являющую собой неотъемлемую часть самой структуры Нигерии. Таким образом, у представления о «центре единения» появилась моральная составляющая, а Абуджа стала попыткой не только выйти за пределы многогранности нигерийских культурных (этнических и религиозных) идентичностей, но еще и уловить суть и дух государства, который все обязаны были поддерживать.

2. Low S. M. The anthropology of cities: Imagining and theorizing the city // Annual Review of Anthropology. 1996. Vol. 25. P. 384.

3. Ibidem.

Эта глава обращается к переосмыслению — в историческом контексте — трудностей государственного строительства, породивших и оформивших идею создания Абуджи, а также исследует трудности государственного строительства в Нигерии, возникшие впоследствии в связи с Абуджей. В данном контексте Абуджа как ФСТ, как предполагаемый «центр единения» и «необжитая земля» являет собой оксюморон, предполагающий, что город заявляет о себе и к тому же ставит вопросы⁴. Как заметила лагосская *The Guardian*, Абуджа — «набор противоречий [под] иронической и парадоксальной маской»⁵.

В широком, как внутреннем, так и внешнем, представлении постколониальная Африка — это проблема или, точнее, сложная задача. Трудности государственного и национального строительства в Африке лучше всего видны на примере города, в частности столицы. Остальная территория страны часто являет собой отражение проблемы, представленной в столичном городе и заданной им. Потому исследования африканских столичных городов, пусть и малочисленные, часто намечают направления для понимания более широких, сложных социально-экономических и политических кризисов, изводящих многие африканские государства. С другой стороны, столичные города в Африке также демонстрируют и немногочисленные успешные, по большей части не завершённые и по сей день попытки преодолеть трудности, с которыми сталкивается государство, за счет политической воли, проявляющейся в рациональной бюрократии. Вскоре после того, как в 1960-е годы многие африканские государства обрели независимость, исследователи — как теоретики, так и практики — отметили важность столиц для развития находящегося в непрестом положении континента⁶.

В первые годы постколониального периода трудность состояла в том, что африканские политические столицы должны были возложить на себя ответственность, задачи и новые обязательства, связанные с обретением независимости. И пусть лишь немногие африканские столицы справились с этой задачей, но столичный город в Африке стал местом, где шли важные преобразования. Во многих случаях в период после обретения независимости такие города превратились в оазисы вла-

4. В эссе, напечатанном в ежедневной нигерийской газете *Thisday* (Лагос), автор этой главы, прежде работавший редактором отдела городских новостей в одной из столичных газет, проанализировал свойственные для Абуджи противоречия в журналистском ключе. См.: *Adebanwi W. Abuja as oxymoron // Thisday. February 27, 1997.*

5. *Abuja: Thirty years as federal capital: editorial // The Guardian. November 5, 2006.*

6. См., напр.: *Hamdan G. Capitals of the new Africa // Economic Geography. 1964. Vol. 40. Iss. 3. P. 239–253.*

сти, привилегий⁷ и удовольствий. Впоследствии, когда на смену демократическим правительствам пришли гражданские войны, яростные протесты и военные перевороты, превратившие африканские столицы в зоны, где властвовали танки и ружья, столичные города выродились в места кровавой борьбы за власть. Так, в период с конца 1960-х до начала 1990-х годов столицы многих африканских стран, находящихся под властью авторитарных военных или гражданских правителей, были вовсе не отражением воли государства, но центрами угнетения и тирании.

Если говорить о географическом положении, то в большинстве случаев африканские столицы «безусловно <...> находятся настолько на периферии <...> политического ландшафта, что мы спокойно можем утверждать: Африка была (и остается) континентом эксцентричных столиц»⁸. Дело в том, что на всем континенте лишь несколько столиц расположены в центре страны. Во многих случаях расположение столичных городов выбиралось в соответствии с требованиями вторгшихся в страну европейцев и с колониальными политическими/экономическими интересами⁹. Еще одной значительной проблемой стало то, что расположенные на периферии государства столицы часто приобретали скорее региональные, чем действительно общенациональные особенности¹⁰. Таким образом, политическая столица стала «предметом споров и разногласий, но не катализатором гармоничного развития регионов страны и их интеграции»¹¹; в особенности это касается этнически неоднородных и многонациональных государств.

Большинство государств не предпринимало никаких попыток для разрешения подобных проблем и снятия ограничений. На то было множество причин: назовем здесь неготовность государственной экономики к строительству новой столицы; особенности, место проживания и этнический состав правящей элиты по отношению к прежней столице; характер и интересы лидера государства и т. д. И все же некоторые страны совершали важные шаги для решения этих проблем. В целом Поттс выделяет две положительные причины, обуславливающие создание новых столиц. Первая — важность того, чтобы столичный город располагался ближе к центру страны и являл собой новое средоточие национальной гордости; таковы случаи Абуд-

7. Харрисон обычно называл крупные города «островами привилегий». См.: *Harrison P. Inside the Third World*. Harmondsworth: Penguin, 1993. P. 145.

8. *Ibid.* P. 245.

9. *Potts D. Capital relocation in Africa: The case of Lilongwe in Malawi // The Geographical Journal*. 1985. Vol. 151. Pt. 2. P. 182.

10. *Hamdan G. Op. cit.* P. 245; *Potts D. Op. cit.* P. 182.

11. *Ibidem.*

жи в Нигерии¹² и Габороне в Ботсване¹³. Поттс утверждает, что в этих двух случаях «особое внимание также уделялось вопросу согласия между различными этническими группами», так как было выбрано «нейтральное» место¹⁴. В принципе, «более центральное и нейтральное расположение столицы <...> обеспечивает большую эффективность управления; оно также может способствовать легитимизации правительства за счет подавления зависти регионов друг к другу и отказа от пренебрежения к районам, расположенным за пределами зоны „влияния“ старой столицы»¹⁵. Вторая причина, которую выделяет Поттс, — это то, что может стать «подходящим риторическим оправданием дорогостоящего проекта». Иными словами, создание новой столицы есть способ увеличения масштабов регионального «развития». Однако эта причина может быть всего лишь предлогом, ведь в Африке «функциональная структура некоторых новых столиц имеет незначительный потенциал для эффективного исполнения подобной роли, что говорит об отсутствии настоящей заинтересованности или о неспособности принять политические меры для поддержания такой роли»¹⁶.

Тем не менее важно не просто определить шаблоны, характерные для всего мира или для всего континента, но выделить как *положительные* причины, приводящие к созданию новых столиц, так и особые причины, возникающие в особом контексте. В 1965 году столица Малави была перенесена из расположенной на юге страны Зомбы в центральный город Лилонгве; этот случай демонстрирует нам, что бюрократические и рациональные политические обоснования переноса столицы не всегда оказываются достаточными¹⁷. В настоящей главе мы обратимся к исследованию того, насколько новая столица Абуджа соответствует амбициозным целям, заставившим государство принять решение о ее строительстве; мы покажем, что история Абуджи являет собой один из примеров разочарования, возникшего в результате переноса столиц нескольких африканских стран.

Какие узлы и внутренние конфликты определяют связь между столицами и национальным единством в постколониальной Аф-

12. Moore J. Planning Abuja: The politics of new capital construction. BA thesis. Princeton University, 1982; Olusola A. Abuja: Nigeria's new capital // Abuja: Concept Incorporated. 1993; Salau A. T. A new capital for Nigeria: Planning, problems and prospects // Africa Today. 1977. Vol. 24. Iss. 4. P. 11–22.

13. Best A. C. G. Gaborone: Problems and prospects of a new capital // Geographical Review. 1970. Vol. 60. №1. P. 1–14.

14. Potts D. Op. cit. P. 183.

15. Ibidem.

16. Ibidem.

17. Ibid. P. 188.

рике? Как африканские столичные города выражают, представляют или искажают идею национального единства? Автор рассматривает эти вопросы на примере Абуджи, ставшей столицей Нигерии 17 лет тому назад; он обращается к темам общественных отношений, символов и политической экономии. Принято считать, что между национальной идентичностью и столицей страны существует непроблематичная связь, однако Абуджа демонстрирует характерные для этих взаимоотношений трудности. Автор задается вопросом о предпосылках возникновения таких связей и выявляет эти предпосылки на фоне характерной для Нигерии динамики межэтнических, межконфессиональных, социально-экономических и политических взаимодействий, конкуренции и столкновений.

ОТ ЛАГОСА К АБУДЖЕ: «НЕОБЖИТАЯ ЗЕМЛЯ» И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЛОГИКА ВЛАСТИ

Сохранение за Лагосом статуса федеральной столицы, значение этого факта для этнорегиональной политики и борьба трех основных нигерийских этнолингвистических групп (хауса-фулани, игбо и йоруба) за гегемонию — на протяжении многих десятилетий именно эти вопросы оставались центром всего процесса национального строительства¹⁸. Формальная аннексия Лагоса британцами 30 июля 1861 года положила начало эпохе, когда была создана новая Нигерия. В 1914 году Северный и Южный (Британский) протектораты объединились в единую колонию, Нигерию, главным комиссаром которой стал Фредерик Лугард, прежний глава Северного протектората. Лугард хотел сделать столицей объединенной Нигерии Кадуну, главный город Северного нигерийского протектората¹⁹. Лондонское Министерство по делам колоний выступило в защиту расположенного на южном побережье страны, более развитого города Лагоса. Тем не менее спустя всего пять лет после образования нового государства население стало добиваться переноса столицы. Среди недовольных были жители севера страны и сочувствующие им чиновники колониальной администрации, которые описывали Лагос как «мозговой центр волнений и могилу деловой репутации». Многие из них призывали перенести сто-

18. *Adebanwi W.* The city, hegemony and ethno-spatial politics: The press and the struggle for Lagos in colonial Nigeria//Nationalism and Ethnic Politics. 2004. Vol. 9. Iss. 4. 25–51.

19. *Hamdan G.* Op. cit. P. 247.

лицу на «незаселенную территорию в Кадуне, в 570 милях от Лагоса», примерно в районе Локоджи. Рекомендованное ими место располагается приблизительно там же, где и Абуджа, сегодняшняя ФСТ. В какой-то момент в Лагосе поползли слухи о том, что главный комиссар колонии (на тот момент — сэр Хью Клиффорд) приказал перенести «административный орган управления», как тогда называли Лагос, на возвышенность сразу за Локоджей, известную как гора Патте и расположенную в *самом центре* протектората.

Из-за этих слухов и волнений сэр Клиффорд был вынужден объехать всю страну; затем он выступил с обращением к колониальному Совету Нигерии в Лагосе. 29 декабря 1919 года Клиффорд заявил:

Подвергнув данный вопрос самому тщательному рассмотрению, я пришел к выводу о том, что в любом случае на протяжении многих и многих грядущих лет единственным местом, где может заседать правительство страны, останется Лагос²⁰.

Однако не только социальные и экономические причины заставили этого националистически настроенного политика сохранить статус столицы за Лагосом — городом, хранящим «дух страны». Далее Клиффорд говорил о том, что всякое правительство должно располагаться в месте, где для общества характерно наилучшее и наиболее эффективное сочетание различных взглядов и критического оценочного подхода к ним, то есть, очевидно, в Лагосе²¹. Клиффорд утверждал:

Вот обязанности, которые [мы] вряд ли сумеем исполнить, если только основная деятельность правительства не будет осуществляться *в центре самой что ни на есть активной жизни, в средоточии дум и помыслов страны*: лишь в таком случае правительство сумеет сохранить тесную связь с каждой частью общества, а его деятельность *станет предметом тщательного изучения и критики*. Я настаиваю на том, что подобные вещи способствуют правильному управлению, без которого не может свободно обходиться ни одна администрация <...> Расположение правительства *в сравнительной изоляции* неизбежно приведет к *росту его бюрократизации и автоматически лишит его (в том, что касается выработки мер, выражающих общественное мнение) помощи* от тех, чья деятельность находится в его ведении и кто единственный может действительно предоставить такую помощь²² (курсив автора).

20. Lagos Weekly Record. February 14, 1920. P. 1.

21. Adebani W. Op. cit. P. 27.

22. Lagos Weekly Record. February 14, 1920. P. 1.

После этого главный комиссар заключил, что идея о переносе столицы из Лагоса «окончательно забыта», и выразил надежду на то, что о ней не вспомнят еще много лет. Однако доводы, приведенные Клиффордом в пользу сохранения за Лагосом статуса столичного города, оказались недостаточным противовесом причинам и целям, породившим движение за перенос нигерийской политической столицы. Поэтому, когда в 1940-е и 1950-е годы возросли масштабы националистических выступлений и волнений, сопровождавшихся этнорегиональными заговорами и интригами, вопрос о необходимости переноса столицы вновь возник в связи с битвой за Лагос.

Три основные этнорегиональные группы (хауса-фулани, игбо и йоруба) получили широкое представительство в трех основных политических партиях, возникших в период ограниченного самоуправления: в Северном народном конгрессе (СНК) (Северная область, хауса-фулани), Национальном совете нигерийских граждан (НСНГ) (Восточная область, игбо)²³ и Группе действия (ГД) (Западная область, йоруба). В тот период борьба за гегемонию и/или примирение, которую элиты этих трех групп вели друг против друга, задавала тон и направленность всех основных вопросов в государстве. Начиная с эпохи, предшествовавшей обретению независимости, направленность политических и административных мер в Нигерии во многом диктовали и задавали сложные этнические, этнорегиональные и религиозные движущие силы и процессы.

Тем не менее изначально СНК не участвовал в спорах о Лагосе — в частности, потому, что вначале шла речь о «принадлежности» Лагоса. НСНГ выступал через свой рупор, газету *West African Pilot*, утверждая, что столица йоруба, на протяжении десятилетий привлекавшая несметное число различных этнических групп, например игбо, не была «городом йоруба». Напротив, газета *Daily Service*, рупор ГД, называла Лагос *настоящим* городом йоруба.

От борьбы за принадлежность Лагоса НСНГ и ГД, то есть народы игбо и йоруба, а также их глашатаи, газеты *West African Pilot* и *Daily Service*, перешли к борьбе за административное отделение Лагоса как федерального столичного города от Западной области Нигерии, в целом подконтрольной партии ГД. В начале 1950-х годов в результате преобразования муниципалите-

23. Изначально, до того как Южный Камерун проголосовал за вхождение в состав федеративного государства Камерун, НСНГ носил название Национального совета Нигерии и Камеруна. Эта партия была наиболее общегосударственной из трех, однако со временем она стала ассоциироваться с игбо, проживающими на востоке страны.

та Лагос город вошел в состав Западной области; как следствие, партия НСНГ и мэр города от партии ГД, принадлежащий к народности игбо, отошли на второй план. Тогда газета *Pilot* утверждала: «Если Лагос действительно и во всех своих проявлениях до сих пор считается столицей Нигерии, то должны существовать институты, работающие на объединение и создающие общую силу, которая была бы по своей сути нигерийской, а не относящейся лишь к йоруба, игбо или хауса. Именно в этом свете следует вновь рассмотреть предлагаемые преобразования муниципалитета Лагос»²⁴. Далее *Pilot* сообщала, что «этот город, стоящий на побережье Атлантического океана, действительно достойный звания нигерийской столицы», должен «быть использован в качестве *объединяющей силы*» (курсив автора). В той же редакционной статье в газете *Pilot* далее говорилось:

Если мы сумеем сделать Лагос столицей Нигерии, где все народы страны смогут жить, не чувствуя себя ущемленными, где система городского управления не будет по сути своей пристрастной, но будет опираться на *прогрессивные представления*; если мы в самом деле сможем превратить Лагос в новый Лондон или Нью-Йорк — в город, где все граждане со всех концов света могут жить вместе без всякой взаимной враждебности, — то, конечно же, мы зложим основу нигерийского идеала (курсив автора).

В силу ряда экономических, общественных и политических причин Лагос обладал критическим значением для обеих сторон и для обеих этнорегиональных групп; потому шла борьба за контроль над городом. Западная область стремилась включить Лагос в свой состав и тем самым увеличить свои размеры, численность населения, влияние и экономические ресурсы. К тому же в силу того, что НСНГ пользовалась в городе большей популярностью, ГД могла добиться косвенного контроля над городом, только включив его в состав своей области. Для НСНГ Лагос также имел большое значение. Партия управляла городом и могла использовать свои ресурсы для защиты растущей части городского населения, представленной народностью игбо; в свою очередь, представители игбо желали, чтобы Лагос как столица государства оставался «необжитой землей»²⁵.

Газета *Service*, рупор ГД и народа йоруба, поддерживала присвоение Лагосу двойственного статуса — как столичного города и как части Западной области: это должно было привести к отставке «мошенников от НСНГ», с 1952 года занимавших основ-

24. Symbol of Nigeria // West African Pilot. July 16, 1952. P. 1.

25. Adebani W. Op. cit. P. 40.

ные должности в городском муниципалитете. *Pilot*, в свою очередь, возражала: «Единственное возможное решение заключается в создании новой столицы, не зависящей от региональных законов, [ведь, с учетом вхождения Лагоса в Западную область], Нигерия остается страной без столицы». В этом контексте *Service* требовала перенести политическую столицу Нигерии в другое место: так Западная Нигерия могла бы сполна насладиться всеми преимуществами, связанными с вхождением Лагоса в состав этого региона. Хотя позднее Западная область и ее руководитель, вождь Обафеми Аволово, протестовали против переноса столицы в Абуджу, их рупор, газета *Service*, в 1950-е годы выступала за создание новой столицы. *Service* писала:

Жители Западной области не принуждают всю страну выбрать Лагос в качестве столицы. Однако руководитель страны обязан пояснить, что для жителей Нигерии *единственной альтернативой нынешнему положению Лагоса* станет приобретение участка земли и создание на нем *федеральной столицы, не зависящей ни от одного из трех регионов* (курсив автора)²⁶.

Тем не менее в 1953 году в Лондоне в ходе Конституционной конференции НСНГ и СНК выступили за независимый статус Лагоса; это вызвало гнев ГД. Впоследствии город как федеральная столица был отделен от Западной области. Еще одно важное событие, повлиявшее на сохранение Лагосом статуса политической столицы Нигерии, произошло позднее в том же году. После энергичных и ожесточенных дебатов в федеральном парламенте лидеры СНК (Север) выступили против предложения одного из влиятельных членов ГД об обретении Нигерией независимости не позднее 1956 года. По пути домой северян освистывали и в самом Лагосе, и на каждой железнодорожной станции Западной Нигерии. Их оставили в покое лишь после того, как они пересекли границу Северной области. Для аристократических руководителей Северной области, в частности для ее лидера сэра Ахмаду Белло, сардауна (султана) могущественного халифата Сокото, опыт общения с «южной чернью» стал подтверждением того, что у южан полностью отсутствует уважение к правителям из северного региона страны. Стремление обрести независимость и оскорбления, прозвучавшие в адрес северян в связи с их позицией по данному вопросу, привели даже к призывам отделить Северный регион от остальной федерации. После того как британцы убедили недовольных в том, что не следует отделять Северную область Нигерии, некоторые ни-

26. Ibid. P. 42.

герийцы стали утверждать, что пережитый опыт должен показать северным лидерам: Лагос — не то место, где им следует вести дела со всей остальной Нигерией.

Тем не менее свойственный Нигерии плюрализм и сложная природа ее государственной политики стали причиной того, что вопрос о политической столице Нигерии вновь возник в официальном контексте лишь в 1975 году. Тогда военное правительство под руководством представителя Северной области генерала Мурталы Рамата Мухаммеда учредило совет, задачей которого стало консультирование правительства по вопросу создания новой нигерийской столицы; при этом совету были даны указания о том, что предпочтительным местом расположения новой столицы является центр страны. В связи с тем что Северная область, позднее разделенная на штаты, занимала более половины территории Нигерии, многим было очевидно, что политический центр Нигерии будет располагаться в старом Северном регионе. Кроме того, с учетом сути и характера этнорелигиозного соперничества в стране такой вариант также оказался приемлемым и для двух крупных этнолингвистических групп — хауса-фулани и игбо. Тем не менее, несмотря на то что во главе совета, избравшего и рекомендовавшего Абуджу в качестве новой ФСТ, стоял эксперт-йоруба, большинство представителей народа йоруба, а также многие жители Лагоса не были довольны решением о переносе политического центра Нигерии на «север». Многие противники такого решения посчитали, что причиной переноса столицы стали запоздалые попытки усовершенствования, предпринятые властвующей элитой, то есть представителями хауса-фулани. В силу того что изначально идея о переносе столицы пришла с севера страны, а также с учетом борьбы за Лагос, этнорегиональные причины действительно не следует игнорировать. По мнению Шаца²⁷, подобные попытки «разрушить сеть покровительства конкурирующей [этнической группе] и создать подобную сеть для собственного народа» часто становились основанием для переноса столиц. Один из примеров — это выбор Лилонгве в Малави во времена режима Банды: город располагается неподалеку от места рождения президента, в регионе, где живут в основном представители его народа чева. Таким образом, в случае с Малави перенос столицы использовался отчасти для «укрепления власти перед лицом конкурирующих этнических групп»²⁸. Естественно, представители народа чева получили возможность войти в состав новой администра-

27. Schatz E. What capital cities say about state and nation building // Nationalism and Ethnic Politics. 2004. Vol. 9. P. 120.

28. Ibidem.

ции²⁹. Другой пример — Кот-д’Ивуар, где президент Уфуэ-Буаньи перенес столицу из Абиджана в свой родной город Ямусукро. Шац утверждает, что в обоих случаях «такое поведение способствовало упрочению фундамента президентской власти перед лицом существующей оппозиции»³⁰.

Выше было показано, что, несмотря на постоянное присутствие термина «развитие» в риторике правительства, политическая элита Нигерии не способна мобилизовать жителей и богатые ресурсы страны и тем самым обеспечить ее развитие. Таким образом, некоторым перенос столицы в Абуджу может показаться скорее победой этнорегиональных уловок, чем рациональной попыткой способствовать сплочению или даже развитию государства. Перевод в Абуджу федерального правительства никак не сгладил ухудшившиеся межэтнические и межрелигиозные отношения; потому такую точку зрения, безусловно, нельзя игнорировать. Тем не менее если в политическом плане Лагос представлял собой этнорегиональную проблему для правящей элиты, то в социальном плане это, безусловно, было совершенно не организованное городское — или столичное — пространство, требовавшее радикальной перестройки. Очевидно, существовало множество разумных политических, экономических и общественных причин, которые могли быть приведены — и приводились — в пользу того, чтобы Лагос перестал играть роль политической столицы Нигерии.

Первой причиной стало двойственное положение Лагоса как столицы штата и федеральной столицы: на тот момент подобная ситуация вызывала конфликты между правительствами штата и страны. И действительно, в своем меморандуме, обращенном к комитету по выбору местоположения для федеральной столицы, правительство штата Лагос выделило несколько проблемных моментов³¹. Такие проблемные моменты были связаны с тем фактом, что до создания в мае 1967 года штата Лагос муниципалитетом Лагос управляло Федеральное министерство по делам Лагоса, в то время как городом Лагос управлял лагосский муниципальный совет. Кроме того, в определенный период крупные города столичного региона (входившие в состав старой Колониальной Нигерии), такие как Мушин, Икороду, Икеджа, Бадагры и т. п., подчинялись правительству Западной области. После создания штата Лагос остров Лагос все еще выполнял двойную функцию — федеральной столицы и столицы штата, что порой вызывало трудности с юрисдикцией в раз-

29. Ibidem.

30. Ibidem.

31. *Olusola A.* Op. cit. P. 20.

личных вопросах, в том числе налоговых или земельных. Несмотря на то что такие трудности можно было в соответствии с конституцией разрешить во внесудебном порядке, они оставались неразрешенными в силу некомпетентности и неорганизованности государственных властей Нигерии.

Еще одним доводом в пользу несоответствия Лагоса статусу федеральной столицы стала недостаточность площади, а также ограничения, налагаемые физическими особенностями местности, ее многочисленными лагунами и бухтами. Звучали предложения по освоению дополнительных земель и увеличению территории города за счет прилегающих районов (в том числе штата Огун) для строительства новой столицы; однако эти предложения были отвергнуты, и выбор был сделан в пользу переноса столичного города в центр страны. Другие доводы относились к тому факту, что Лагос, как прибрежный город, более уязвим для нападений извне. Однако эти доводы были отвергнуты критиками, утверждавшими, что в эпоху ракет дальнего действия любое местоположение столичного города остается легкой мишенью для вражеских атак. Прочие аргументы в пользу переноса столицы касались несоответствия инфраструктуры Лагоса функциям столицы, его перенаселенности, этнического состава жителей (доминирования представителей народа йоруба) и высокой стоимости жизни³².

При этом критики переноса столицы утверждали, что, за исключением этнического состава населения Лагоса, значительно изменившегося с течением времени (притом что основное население города все равно составляли йоруба), большинство доводов в пользу переноса столицы могло бы быть снято при наличии более эффективной, действенной и продуктивно работающей правящей элиты и правительства. По мнению таких критиков, перенос столицы в центральные области страны, безусловно, разрешил бы некоторые проблемы, но в то же время в будущем привел бы к возникновению новых трудностей, связанных с неразрешенными существенными противоречиями в самой конституции Нигерии, со свойствами и характеристиками правящей элиты страны. Тем не менее было очевидно, что идея о необходимости переноса столицы в «центр» Нигерии исходит как раз от правящей элиты, и воплощение этой идеи — лишь вопрос времени. Потому вызывает интерес тот факт, что для новой столицы было выбрано более или менее то же местоположение, которое предлагали сторонники переноса столичного города еще в начале 1920-х годов.

32. *Olusola A.* Op. cit. P. 19–28.

АБУДЖА: ИРОНИЧНЫЙ «ЦЕНТР ЕДИНЕНИЯ»

Ведь здесь мы строим
на века
здания, которые выдержат испытание
временем,
И выражаем в крепких конструкциях
Масштаб, величие и образ,
которые суть Нигерия.

Уолтер Офонагоро, март 1997 года

...Поезжайте в Абуджу: миллионы текут
в пропасть этой столицы и навеки исче-
зают в ней.

Unlimited Liability Company, 1983 год

Как правило, решения о переносе политических столиц принимаются в силу определенных бюрократических и рациональных соображений, обусловленных реальностью, а также политическими, экономическими и общественными условиями. Именно в этом смысле заявляет о себе большинство столичных городов. Как утверждает Линдж, федерации особенно «необходим центр, который часто бывает вынесен за пределы мест сосредоточения коммерческой и промышленной деятельности; обычно в нем размещаются федеральное правительство и связанные с ним институты». По всей видимости, «создание из ничего» Абуджи, так же как и Вашингтона, Бразилиа или Канберры, стало «действием, продиктованным политическими убеждениями», причины которого «были связаны <...> с фактами политической географии»³³. В случае Нигерии подобные факты обнаруживают задачи, которые стоят перед элитой страны, столкнувшейся с острыми вопросами государственного строительства, и ответы, которые были приняты различными элитарными группами³⁴. Хотя перенос столицы — не самый распространенный и не самый стандартный метод, применяемый в искусстве управления государством и в этнорегиональной политике, отдельные элиты все же порой совершают такой «дорогостоящий и рискованный шаг»³⁵.

Вскоре после окончания Гражданской войны в Нигерии (1967–1970) глава государства, генерал Якубу Говон, говорил

33. *Linge G. J. R.* Canberra after fifty years // *Geographical Review*. 1961. Vol. 51. (4). P. 468.

34. *Schatz E.* *Op. cit.* P. 112.

35. *Ibid.* P. 13.

на Совете университета Ахмаду Белло в Зарии — лучшего университета на севере Нигерии, где учится весь цвет элиты Северной области страны, — о необходимости разрешить проблемы Лагоса как столицы государства. В этой связи он побуждал жителей Нигерии вносить альтернативные предложения. К тому моменту стало понятно, что правящая элита уже приняла решение о переносе политической столицы Нигерии.

После военного переворота, приведшего к падению в целом некомпетентного и двигавшегося в неправильном направлении режима Говона, задача по подготовке предполагаемого переноса нигерийской столицы перешла к режиму генерала Мурталы Мухаммеда. В инаугурационной речи Мухаммед говорил о кризисе, с которым столкнулся Лагос, и обещал, что его режим сумеет справиться с этой проблемой. В августе 1975 года он создал под руководством судьи Верховного суда Акинолы Агуды комитет для изучения вопроса о том, следует ли сохранить за Лагосом статус столицы или следует перенести столичный город в новое место.

В состав комитета вошли педагог и борец за социальные реформы доктор Таи Соларин; полковник нигерийской армии (монсеньор) Педро Мартинс; бизнесмен Альхаджи Мухаммед Муса Исмаил; адвокат из Джоса вождь Оуэн Фиебаи; исследователь из Нигерийского института общественных и экономических исследований доктор Аджато Гандону; врач, профессор О. К. Оган. Секретарем комитета был назначен вождь Э. Нсефик, заместитель постоянного секретаря Федеральной государственной гражданской службы.

Задача комитета заключалась в изучении двойственной роли Лагоса как столицы штата и столицы страны и в формировании экспертного мнения о том, следует ли сохранить за городом эту роль. В случае принятия комитетом решения о том, что Лагос не годится на подобную роль, сам комитет должен был дать рекомендации относительно того, какое из двух правительств (федеральное или правительство штата) следует перенести в новую столицу. А в случае принятия решения о необходимости переноса столицы страны из Лагоса в новое место комитет должен был рекомендовать подходящие альтернативные места, учитывая необходимость обеспечить легкий доступ к новой столице из любой части федеративного государства. Комитет был обязан предоставить свои рекомендации федеральному военному правительству не позднее 31 декабря 1975 года.

Уже сами поставленные перед комитетом задачи свидетельствовали о том, что военный режим отдает предпочтение новой столице, потому следовало определить ее местоположение. Члены комитета объехали всю Нигерию, а также крупные горо-

да во всем мире и пришли к мнению, что Лагос более не годится на роль федеральной столицы. Вместо того чтобы просто назвать место расположения нового столичного города, комитет разработал конкретные критерии для выбора такого альтернативного места. Они были следующими:

- *центральное положение.* О нем уже говорилось в задачах, поставленных перед комитетом военным правительством страны, в связи с тем что Лагос располагался «на географической периферии», и нигерийцы «в некоторых областях страны <...> выражали глубокое возмущение в связи с ощущением удаленности от федерального правительства и пренебрежения к ним со стороны последнего». Потому исключалось «всякое местоположение, слишком удаленное от центра страны»³⁶;
- *охрана здоровья и климат.* В связи с тем что «некоторые регионы страны в силу естественных причин более приятны для большинства нигерийцев и обеспечивают относительно комфортные условия жизни», комитет постановил, что приемлемым будет признано «уравновешенное» место, «не слишком жаркое и не слишком холодное, не слишком сухое и не слишком влажное»³⁷;
- *доступность земли и ее использование.* Комитет рекомендовал выбрать в качестве ФСТ, под текущие и будущие нужды новой столицы, территорию площадью не менее 8 000 квадратных километров;
- *водоснабжение.* Учитывались близость источников достаточного количества воды и качество такой воды;
- *доступность.* Также рассматривались варианты размещения столицы «там, где населенные пункты равномерно распределены по всем направлениям <...> и уход от проблемы неравного расстояния до столицы»³⁸;
- *безопасность.* Было принято решение о том, что выбранное местоположение не должно быть «легко разрушаемым силами иностранных врагов или в ходе гражданской войны», в том числе в ходе «местных политических волнений, восстаний <...> и угроз единству Нигерии»³⁹;
- *наличие местных строительных материалов;*
- *низкая плотность населения*⁴⁰.

36. Olusola A. Op. cit. P. 36.

37. Ibid. P. 38.

38. Ibidem.

39. Ibid. P. 40–41.

40. Ibidem.

Прочие критерии включали наличие источников энергии, канализационной системы, состояние почвы, пригодность территории для материально-технического планирования и мирное сосуществование различных этнических групп. Комитет предлагал не переоценивать значение последнего критерия; по его представлениям, достаточно было бы, если бы для новой столицы «в целях обеспечения политических преимуществ <...> было характерно внутреннее спокойствие, способное создать объединяющий национальный образ, пригодный для внутреннего и внешнего потребления».

Область, выбранная комитетом с учетом таких критериев, примерно совпадала с современной ФСТ⁴¹.

Комитет также потребовал, чтобы федеральное правительство страны приняло окончательное решение с учетом следующих факторов. Первое — в большинстве полученных комитетом меморандумов был сделан выбор в пользу новой столицы. Второе — следовало принять меры для того, чтобы не создать «безжизненный город» типа Бразилиа, пустеющий по выходным. Напротив, новая столица должна была стать «символом единства», ведь предполагалось «создать ее на нетронутой земле, где всякий нигериец был бы уверен, что он [sic] обладает равными возможностями и правами <...> где он не боялся бы оказаться в подчиненном положении». Третье — следовало учитывать фактор стоимости и состояние экономики страны, притом что создание новой столицы не следовало откладывать⁴².

3 февраля 1976 года Мухаммед выступил с обращением к нации и заявил, что принял решение о переносе федеральной столицы. Два дня спустя был принят Декрет № 6 за 1976 год (Акт о создании федеральной столицы), после чего на территории штатов Нигер, Плато и Квара был заложен новый столичный город. Для контроля подготовки генерального плана Абуджи и строительства новой столицы было создано Ведомство по развитию федеральной столицы. Новая ФСТ заняла территорию в 8 000 квадратных километров, примерно в два с половиной раза больше Лагоса.

История Абуджи, — название которой заимствовано у старого города Абуджа, позднее переименованного в Суледжу, — связана с историей старинного эмирата Абуджа. Это полностью противоречит идее выбора «необжитой земли», которая использовалась в процессе работы над проблемой нового столичного города. Эмират Абуджа сформировался примерно в 1825 году, отчасти в результате джихада фулани. На этой терри-

41. *Olusola A.* Op. cit. P. 45.

42. *Ibid.* P. 45–47.

тории до создания ФСТ проживало несколько этнических групп, в том числе хабе (хауса), гбари, коро, гаде и ганагана. Там же жили представители гвандара, басса и фулани. Однако и коренных жителей (гвари, гаде, гвандара и т. д.), и колонистов (хауса, фулани и т. д.) следовало полностью переселить на прилегающие территории ФСТ и выплатить им соответствующие компенсации: только так город мог стать настоящей «необжитой землей». Тем не менее судьба этого официально принятого плана оказалась обычной для Нигерии: план осуществлялся бессистемно, многие коренные жители указанной территории так и не были переселены или не получили положенные компенсации. Часть переселенцев позднее вернулась обратно на свои земли⁴³.

В ходе предвыборных кампаний, предвещавших создание Второй республики (1979–1983), политические лидеры заявляли о своем отношении к проблеме Абуджи. Эта проблема очевидным образом стала основной темой политических дискуссий⁴⁴. Некоторые политики говорили о том, что приоритетом для них станет перенос столицы; другие отказывались от подобного плана. Альхаджи Шеху Шагари, кандидат в президенты от Национальной партии Нигерии (НПН), позднее избранный президентом, заявил, что его правительство обязуется быстро воплотить в жизнь генеральный план строительства Абуджи. В то же время кандидат от Партии нигерийского единства (ПНЕ), вождь Обафеми Аволово, утверждал, что, став президентом, вовсе не станет тратиться на строительство Абуджи⁴⁵. Аналитики расценили позиции обоих лидеров партий как выражение мнения доминирующей («консервативной») правящей элиты (НПН/Шагари) севера страны и оппозиционной («прогрессивной») правящей элиты Западной Нигерии (ПНЕ/Аволово). В то время как северное руководство намеревалось перенести столицу из населенной йоруба юго-западной области, элита юго-запада Нигерии, состоящая из представителей йоруба, полагала проект строительства Абуджи плохо продуманной и экономически невыгодной попыткой элиты, состоящей из представителей хауса и фулани, еще более укрепить свою власть.

После вступления Шагари в должность его правительство выделило огромные средства на развитие новой столичной территории. Естественно, первой поездкой, совершенной Шагари

43. Тем не менее министр по делам ФСТ доктор Алию Моддибо Умар полагал, что следует переосмыслить идею о переселении местных жителей, являвшихся в то же время гражданами Нигерии. Это противоречило первоначальному целям переселения, которое предполагало превращение города в «ничью землю».

44. *Salau A. T.* Op. cit. P. 13.

45. *Ibidem.*

за пределы Лагоса, стал визит в Абуджу для проверки хода работ. Результатом вопиющего непрофессионализма и невероятного расцвета коррупции, характерных для эпохи Шагари, стало превращение проекта строительства Абуджи в коррупционную воронку. Эмоциональной реакцией на коррупцию, характерную для Второй республики, стала песня, которую сочинили знаменитый нигерийский писатель Воле Шойинка, позднее ставший лауреатом Нобелевской премии, и его музыкальная группа *Unlimited Liability Company*: «Поезжайте в Абуджу: миллионы текут в пропасть этой столицы и навеки исчезают в ней». Шагари стремился добиться того, чтобы правительство перебралось в новую столицу, пока он остается у власти. В 1982 году он начал постепенный перевод федерального правительства в Абуджу с перемещения в новую столицу министерств обороны, государственного планирования, финансов, юстиции, внутренних дел и Министерства по делам федеральной столичной территории. Все органы федерального правительства должны были переехать в Абуджу не позднее 1987 года. Однако в результате переворота в декабре 1983 года Шагари, отдохавший в тот момент на президентской вилле в Абудже, был свергнут; правительство тогда все еще располагалось в Лагосе. Это отсрочило окончательный переезд.

Тем не менее, пока Шагари находился у власти, были приняты важные шаги для осуществления «государственной цели по формированию в Абудже действительно федерального населения: это должно было удовлетворить стремление всех нигерийцев жить в мире и гармонии с новой федеральной столицей»⁴⁶. Земельные участки распределялись с учетом определенных критериев, при этом наиболее важным оставался вопрос обеспечения национального единства и интеграции. Прочие критерии включали формирование населения федеративного государства, способного и желающего разрабатывать и застраивать полученные земельные участки по принципу «первый пришел — первым обслужен».

В период правления генерала Мохаммаду Бухари (1984–1985) было сделано немного. Однако в августе 1985 года власть захватил генерал Ибрагим Бабангида; новый режим, ставший одним из наиболее коррумпированных и расточительных в истории Нигерии, выделил на развитие ФСТ огромные средства. После кровавой попытки военного переворота 22 апреля 1990 года режим Бабангиды стал прилагать еще большие усилия для развития ФСТ и формального перевода столицы из Лагоса. Переворот, устроенный армейскими офицерами среднего звена, уроженцами Среднего пояса и юга страны, стал красноречивым

46. *Olusola A.* Op. cit. P. 110.

свидетельством глубокого кризиса нигерийской государственности. В своей речи в ходе неудавшегося переворота майор Гидеон Оркар «от имени всех патриотично настроенных и благонамеренных жителей Среднего пояса и южных регионов страны» заявил об исключении всех основных северных штатов из состава Нигерии, так как, по мнению организаторов заговора, история Нигерии знала достаточно «разнообразных и неконтролируемых случаев возникновения жестоких и грубых доминаторных [sic] репрессивных интриг, организованных людьми, которые считают, что им от рождения дано право вечного обладания политическими и экономическими преимуществами в этой великой стране, и которые при этом совершенно не учитывают интересов жителей Среднего пояса и юга»⁴⁷. Переворот стал ударом для генерала Бабангиды, полагавшего, что он держит в беспрекословном подчинении вооруженные силы и что в стране работает дееспособная разведывательная сеть. То, что заговорщики сумели проникнуть в казармы Додан, где жил президент, — в связи с чем Бабангиде пришлось спешно оттуда бежать, — заставило генерала ускорить процесс переноса столицы, а также расширить первоначальный проект и план президентской виллы в Абудже. На территории виллы, изначально включавшей в себя только резиденцию президента, располагался дом Акинолы Агуды⁴⁸. Бабангида потребовал перепроектировать резиденцию и превратил ее в крепость; так была построена более сложно организованная президентская вилла: ходили слухи, что на ее территории устроены «миллионы подземных бомбостойчивых бункеров и туннелей <...> неприступная крепость, где [глава государства] может успешно скрыться от амбициозных военных»⁴⁹. Журнал *TELL* описывал резиденцию как «замок мечты. Гигантские размеры этого чудовищного сооружения делают его шедевром современной инженерной и архитектурной мысли»⁵⁰. В газетах писали, что президент выдал вездесущей немецкой строительной фирме *Julius Berger* незаполненный чек и потребовал как можно скорее подготовить резиденцию в Абудже к переезду столицы.

12 декабря 1991 года, менее чем через два года после неудавшегося переворота, Бабангида официально перенес столицу Нигерии в Абуджу, красивый новый «образцово-показательный» африканский город. Бабангида и члены правящей элиты

47. «Военный переворот под руководством Гидеона Оркара». Выступление на Радио Нигерии 22 апреля 1990 года.

48. Носивший имя председателя Комитета по вопросу переноса столичного города.

49. *TELL*. December 23, 1991. P. 9.

50. *Ibid*. P. 10.

понимали, что перенос столицы проще осуществить при военном режиме, чем при демократическом правительстве: в последнем случае потребовалось бы получение всеобщего демократического одобрения и согласия парламента. Потому Бабангида поставил своих преемников перед свершившимся фактом⁵¹.

В первые годы в центре Абуджи имелась одна из лучших в Африке улично-дорожных сетей (она действует до сих пор): такого не знало большинство городов Нигерии. В Абудже работал водопровод, осуществлялась постоянная подача электроэнергии, действовала цифровая система телефонной связи⁵². В ноябре 1993 года к власти пришел генерал Сани Абача: первые несколько месяцев он жил в Лагосе. Это вызвало волнения, спровоцированные северными лидерами, в связи с тем что Абаче, также уроженцу севера Нигерии, следовало переехать в Абуджу и тем самым исключить риск возвращения столицы в Лагос. Для многих нигерийцев это стало в том числе подтверждением того, что северяне рассматривают Абуджу скорее не как «центр единения», но как столицу, расположенную в пределах «их» собственного региона. Выяснилось, однако, что Абача оставался в Лагосе лишь для того, чтобы усилить контроль над вооруженными силами, сдерживать недовольство, вызванное его приходом к власти, и «очистить» принадлежавшую Бабангиде виллу «Скала Асо» — речь шла как о безопасности, так и о духовном очищении. Позднее Абача переехал в Абуджу.

НЕУМЕРЕННОСТЬ СТОЛИЦЫ: «ПАЗАРИТИРУЮЩИЙ ГОРОД» КАК ОТРАЖЕНИЕ КРИЗИСА В ГОСУДАРСТВЕ

Несмотря на значительную ограниченность двухполярной теоретической и эвристической модели, утверждающей, что города бывают либо «паразитирующими», либо «производящими»⁵³, представление о городе как о паразите может быть отчасти полезным для понимания роли, которую Абуджа сыграла для Нигерии — прежде всего в том, что касается критической проблемы национального единства, очевидно вдохновившей государство на строительство новой политической столицы. Даже в рамках специализированного исследования функционирова-

51. TELL. December 23, 1991. P. 14.

52. Ibid. P. 10. Другие мнения о памятниках Абуджи и о городе в целом см.: URL: <http://www.skyscrapercity.com/showthread.php?t=645923>.

53. См.: Spodek H. From “parasitic” to “generative”: The transformation of post-colonial cities in India // Journal of Interdisciplinary History. 1975. Vol. 5. № 3. P. 413–443.

ние столицы следует рассматривать в национальном и интернациональном контекстах.

В целом представляется, что политическая столица Абуджа действует в соответствии с тем же принципом масштабного потребления в отсутствие производства, который питает и поддерживает всю политическую элиту Нигерии. Более того, по мнению журнала *TELL*, «несмотря на идиллический проект создания из Абуджи образцового города, здесь уже укрепились все противоречия, свойственные нигерийскому обществу»⁵⁴. Основной функцией Абуджи является политическое управление. Учитывая чудовищную коррупцию, сопровождавшую строительство Абуджи и последующее развитие города, а также нарушения генерального плана и множество других проблем, нельзя утверждать, что ведущееся из Абуджи федеральное управление страной оправдывает все затраты, понесенные в связи со строительством столицы. К тому же Абуджа не добилась успеха в роли символического «центра единения», а роль реального «центра единения» оказалась и вовсе проваленной. В период строительства новой политической столицы возникали противоречия и споры в связи с «осевериванием» Абуджи как в символическом, так и в материальном смыслах. Таким образом, Абуджа явно была далека от того, чтобы стать центром единения.

Прежде всего, столица проектировалась как территория, «нейтральная» для всех нигерийцев. Критики с Юга протестовали не только против того, что Абуджа была «осеверена» и рассматривалась как часть Северной Нигерии, но также против сопутствующей «исламизации» столицы. Незадолго до переезда Бабангиды в Абуджу в одном журнале был напечатан большой материал, посвященный проектам некоторых общественных сооружений города: все они были выполнены в исламском стиле. Мусульмане с севера страны парировали: архитектура была «восточной», а не «исламской» — подобная архитектура существовала в бывшем Советском Союзе. Позднее особое раздражение у критиков вызвал купол здания Национальной ассамблеи, напоминающий купол мечети.

Кроме того, если говорить о «центре единения», традиционные правители исконного населения ФСТ либо продолжают править в столице, либо отстроили для себя более современные центры власти. В силу того что коренное население ФСТ представлено по большей части мусульманами, такие традиционные правители также являются мусульманами, представителями населяющих север Нигерии народов хауса-фулани. Эмират Абуджа, существовавший на этой территории до создания ФСТ, получил

54. *TELL*. December 23, 1991. P. 15.

поддержку, его территория расширилась. Мусульмане с севера страны занимают такие места, как Саркин Гарки (в районе Гарки) и Она в Абаджи. Кажется, руководство ФСТ закрывает глаза на то, что районами города управляют традиционные мусульманские правители, таким образом утверждающие свою вековую власть над территорией, которая должна была стать «необжитой землей». Реальность такова, что к моменту переезда генерала Бабангиды в Абуджу в 1991 году шариатские суды уже существовали по всей территории новой столицы наряду с традиционными институтами власти. Реальность такова, что СМИ, говоря о вопросах, имеющих отношение к исламу и северу страны, часто упоминают 19 северных штатов наряду с ФСТ.

К тому же тот факт, что на должность министра ФСТ избирались только представители мусульманского Севера, тоже вызывает опасения. То, что другие кандидаты не могут участвовать в выборах мэра города⁵⁵, рождает демократические проблемы. Но, кроме того, возникает вопрос о том, почему руководство ФСТ монополизировано представителями конкретного региона страны, ведь это в значительной степени определяет характер города и способ распределения земель ФСТ. В этой связи, а также с учетом давнего доминирования представителей мусульманского Севера в составе высших директивных органов страны ясно, что с самого начала многокультурному и многоконфессиональному статусу Абуджи практически не уделялось внимание. Приведем два примера. Первоначальный план города предполагал строительство «государственной» мечети. Работы начались при президенте Шеху Шагари, при этом ходили слухи о том, что финансирование осуществляется не только за счет государственных средств. Христиане под эгидой Ассоциации христиан Нигерии (АХН) вынуждены были потребовать выражения общественного мнения по этому поводу. Лишь после этого было принято решение о проектировании и строительстве христианского аналога — церкви под названием «государственный» Экуменический центр. Правительство предоставило АХН грант на строительство церкви — точно так же, как и в случае с мечетью. Тем не менее Экуменический центр был достроен гораздо позже, чем мечеть, — его строительство завершилось лишь в период правления президента-христианина⁵⁶. Кроме того, на территории президентской виллы была возведена неболь-

55. Выборы проводятся в шести местных советах, однако глава штата считается «мэром» города. Затем он передает полномочия министру по делам ФСТ.

56. Предыдущий министр по делам ФСТ пояснил в интервью автору этой главы, что это было связано с разбием христианства на различные секты и с отсутствием догматического единства среди христиан по сравнению

шая мечеть для главы государства и его приближенных. Христиане в этой связи сделали вывод о том, что немусульманин — и в целом представитель юга страны — не может рассчитывать на пост главы Нигерии. История борьбы за руководство Нигерией, шедшая с момента обретения страной независимости, говорит о том, что такое ощущение было вполне оправданным. Только после того, как в 1999 году президентом стал христианин Олусегун Обасанджо, на территории президентской виллы была построена часовня.

Еще один больной вопрос состоит в том, что коренные жители ФСТ утверждают: Абуджа должна получить соответствующий статус. С учетом попыток обеспечить «общегосударственный характер» и всеохватность в том, что касается этнического состава населения, многие представители государства, казалось бы, должны придерживаться того же мнения. Тем не менее Абуджа — не штат, и потому подобное не предусмотрено. Вследствие этого, как отметил один из местных жителей генерал-майор А. Б. Мамман (интервью Маммана), «Абуджа не обладает должными привилегиями»: «коренные жители» Абуджи, а также те, кто уже сегодня считает или в будущем станет считать Абуджу своим домом, не получают право на работу в государственных учреждениях города и государственном секторе, на предоставляемые по квоте места в университетах, которые распределяются по штатам. Ежегодные финансовые обязательства федерального правительства перед Абуджей огромны; и тем не менее Мамман считает подобное положение дел нечестным. Это действительно так, ведь для победы на президентских выборах кандидату необходимо набрать установленное конституцией количество голосов в двух третях штатов; ФСТ не является штатом, потому не учитывается при подсчете голосов⁵⁷.

Местные жители столкнулись с еще одной трудностью — с попыткой создания в ФСТ должности эмира, предпринятой прежде всего представителями хауса-фулани. Быстрый рост числа традиционных правителей в населенных пунктах и на территориях, входящих в состав ФСТ (что идет вразрез с самим замыслом строителей новой столицы), породил стремление создать для всего города центральный орган традиционной власти, то есть должность эмира Абуджи. В 1995 году эмир Карши, также являвшийся главой традиционных правителей в эмирате Абуджа, попытался мобилизовать своих приверженцев и таким образом добиться места эмира Абуджи. Однако ему было ока-

с огромным догматическим единством нигерийских мусульман. Абуджа, 16 сентября 2008 года.

57. Abuja is underprivileged // Tribune on Saturday. Ibadan, March 2, 1996.

зано сопротивление. Позднее он был убит якобы в связи с земельными вопросами. В 1996 году представитель Министерства по делам ФСТ заявил в интервью одной из газет, что «назначение эмира Абуджи нарушит дух Абуджи. Эмир будет не только традиционным, но еще и духовным главой Абуджи. Что станет с христианами <...> которые окажутся на территории, подвластной мусульманскому главе?»⁵⁸

Более того, в середине 1990-х годов группа коренных жителей Абуджи оказала сопротивление назначению в Абудже Саркин Хаусава (главы общины хауса): подобные действия были восприняты как попытка обманным путем выбрать для Абуджи эмира, представителя хауса-фулани. В 1996 году генерал Мамман отметил, что «в ФСТ появится Саркин Хаусава. Не будет централизованного органа традиционной власти. Вопрос об этом не возникает»⁵⁹. В «центре единения» один за другим появлялись эмиры и вожди. Поэтому независимо от того, возникал подобный вопрос или нет, уже само существование в населенных пунктах, районах и на территориях Абуджи традиционных органов власти, связанных с «коренным» населением и с конкретными религиозными группами, очевидно, наносит урон духу Абуджи и разрушает представление о городе, имевшееся у его основателей. И тем не менее подобные явления получили широкое распространение: министр ФСТ использует свои властные полномочия для назначения и отставки традиционных правителей, а также для распределения среди них ресурсов по собственному усмотрению.

Кроме того, в случае с Абуджей также не оправдались некоторые социально-экономические причины переноса столицы. Абуджа как столица (куда входят центр города, районы Апо, Гарки и Вузе) не уступает острову Лагос по плотности населения и загруженности транспортной системы. В то же время для пригородов (таких как Гвагваладе, Кубва, Бвари, Лугбе, Ньянья, Кару, Карче и Джуквуйи) характерны ужасное запустение, бедность и нужда. Результатом искажения первоначального генерального плана Абуджи, которое не было полной неожиданностью, если принимать во внимание основные качества нигерийской правящей элиты, стали «экспоненциальный рост численности населения, быстрое разрастание перенаселенных трущоб, огромные пробки на основных автомагистралях, неадекватность инфраструктуры и системы социального обеспечения, а также невероятный рост преступности»⁶⁰. Если кто-то до сих пор говорит о том, что «не следует допустить превраще-

58. Battle for Abuja // Ibidem.

59. Ibidem.

60. Punch. January 16, 2008.

ния Абуджи в еще один Лагос»⁶¹, другие утверждают: «лагосификация» Абуджи уже полностью завершилась⁶². Проблема трущоб и незаконного строительства по всему городу стала столь острой, что очередной министр ФСТ Малам Насир Эль-Руфайи был вынужден принять масштабные — и весьма непопулярные — меры по сносу незаконных построек и выселению скваттеров. В период с 2003 по 2007 год было выселено 800 тыс. человек. Газета *Thisday* в редакционной статье обратилась к проблеме бедности, от которой страдают огромные массы жителей ФСТ, описав один из предложенных федеральным правительством в Абудже грандиозных проектов как «стремление к пышности посреди мучительной и массовой нищеты»⁶³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В городской антропологии существует направление, придающее особое значение репрезентативному подходу к исследованию городов. Такой подход предполагает: сегодня важно обратиться к изучению того, как город может представлять собой «идеологическое [или политическое] пространство»⁶⁴, притом что в центре внимания городских исследований остается дискурсивная сфера крупных городов. Как и в случае с Абуджей, объявленной «центром единения», то, о чем заявляет город как «идеологическое пространство», столь же важно, как и то, что он скрывает или подавляет (или хотя бы пытается). При переносе столицы принято официально объявлять о причинах — будь то политических, экономических, социальных, экологических или иных, — имеющих рациональное бюрократическое обоснование. Однако никто не говорит в открытую о корыстных, этнических или этнорегиональных причинах, по крайней мере они никогда не становятся официальным поводом подобных переносов.

Мы попытались продемонстрировать в этой главе, что официальные заявления обычно лишь отчасти объясняют причины переноса столиц. Более того, как отметила Поттс (1985), в целом вполне убедительное утверждение о том, что перенос столицы провоцирует экономический рост и повышает эффективность

61. Sunday Tribune. Ibadan, May 18, 2008.

62. Ibidem. См. также: Abuja groans under refuse heaps // Punch. January 4, 2008.

В одной из газет говорилось даже, что «в Абудже преступность стала обычным явлением» (Tribune. June 16, 2006). См. также: *Oloja M. Abuja at 16* // The Guardian. December 13, 2007; Abuja not different // Vanguard. August 7, 2008.

63. The Abuja monument // Thisday. Lagos, September 19, 2006.

64. Low S. M. Op. cit. P. 386.

системы управления, не получило подтверждения в современных реалиях. В случае Нигерии перенос столицы, очевидно, не привел к национальному единению, не способствовал росту эффективности или продуктивности федерального правительства и не обеспечил административную доступность центральной администрации для всех областей федеративного государства. Ухудшение экономического положения в стране, рост межрелигиозных и межэтнических столкновений непосредственно после появления новой столицы, формирование в стране полностью коррумпированного политического пространства, для которого фальсификация результатов выборов — не исключение, а скорее, правило: в таких условиях перенос столичного города привел лишь к увеличению объемов незаконной деятельности представителей элиты и увеличил пропасть между невероятно богатой, живущей в комфортных условиях, малочисленной государственной элитой и остальным населением, страдающим от ужасной бедности в трущобах ФСТ и во всех прочих регионах страны.

В этой связи на передний план выходит основополагающая роль, которую элита государства играет в переносе столицы. Хотя в литературе принято недооценивать эту роль, некоторые исследователи подчеркивают ее и указывают на то, что внимание к подобной роли дает нам ключ к пониманию причин, приведших к переносу столицы, и динамики подобного переноса — прежде всего на глобальном Юге.

В данном контексте в литературе доминируют два подхода к проблеме переноса столицы. Первый — это *аргумент авторитарных предпочтений*; второй — *рационально-технический аргумент*. В рамках первого подхода приводится аргумент об «авторитарном правителе, который принимает решения, противоречащие здравому смыслу, мнению народа и советам более мудрых политиков»⁶⁵. К примеру, в этой связи Поттс утверждает, что в случае Малави перенос столицы был осуществлен ради обеспечения личного престижа авторитарного лидера, а вовсе не в силу рациональных причин, связанных с государственным и национальным строительством. Следовательно, по мнению Шаца, «свою роль, очевидным образом, играют особенности личности авторитарного правителя, а подчас и его мегаломаниакальные устремления»⁶⁶. Случай Нигерии являет собой подтверждение этого. Современный перенос столицы некоторым образом стал частью мегаломаниакального стремления генерала Бабангиды к доминированию на нигерийской общественно-по-

65. Schatz E. Op. cit. P. 117.

66. Ibidem.

литической сцене; возведенная им для себя президентская вилла в Абудже свидетельствует о масштабах (его) власти.

Однако подобное объяснение не придает достаточного значения роли правящей (доминирующей) элиты постколониального периода. Авторитарная власть правителя и особенности его личности играют критическую роль. Однако в многонациональных постколониальных государствах они зачастую оказываются частью общих этнических, религиозных или этнорелигиозных расчетов правящих элитарных групп либо из тактических соображений подчиняются таким расчетам. Авторитарной личности тоже необходима своя форма легитимности: последнюю можно обеспечить или расширить, сочетая личные амбиции с интересами группы, даже если эти интересы позднее будут публично названы рационально-техническими мотивами. В данном контексте Шац справедливо замечает, что переноса столицы проще добиться в недемократической обстановке. Тем не менее авторитарное объяснение оказывается недостаточным, ведь большинство авторитарных режимов не переносило свои столицы.

Рационально-технические причины, в том числе эффективность управления, создание экономических перспектив для жителей внутренних регионов страны и обеспечение их услугами государственных органов наряду с отбракованными идеями теоретиков модернизации, также оказались неудовлетворительными, ведь переносы столиц, проведенные в постколониальный период исходя из подобных соображений, имели весьма ограниченный успех. Потому Шац разрабатывает «политико-географическое объяснение», уделяющее особое внимание государственному и национальному строительству. Однако он не говорит о том, что перенос столицы разрешает трудности государственного и национального строительства — примером чему, в частности, является Нигерия.

Хотя приведенное выше утверждение и верно для Нигерии, автор этой главы постарался показать здесь: несмотря на привлекательность плана по переносу нигерийской столицы, связанную с выявлением конкретных трудностей и обещанием хороших перспектив, полученный результат не оправдал ожиданий. Эта глава продемонстрировала ограниченную успешность переноса столицы в контексте рационально-технических перспектив, якобы ставших причиной такого переноса, на фоне необъявленных, «скрытых» обоснований подобного действия, связанных с этнорелигиозным соперничеством и конкуренцией. Спустя тридцать два года после переноса политической столицы Нигерии из Лагоса в Абуджу и семнадцать лет после реального перевода столицы Нигерия все еще далека от достижения благородных целей, стоявших за идеей переноса столичного города.

Это еще более верно потому, что сегодня новая столица сталкивается с множеством ограничений, повлиявших на принятие решения о переносе столицы, что свидетельствует об ограниченности воображения и некомпетентности политических лидеров и правящей элиты. Сегодня страна менее едина, чем во времена переноса столицы; причина тому — возникновение множества сепаратистских движений, призывающих либо к созданию (говоря на языке «автономии») более «рыхлой» федерации, либо к полной дезинтеграции федеративного государства. Потому можно утверждать, что перенос столицы являет собой совершенно недостаточное условие для укрепления национального единства, в особенности в отсутствие прочих важных составляющих, способствующих укреплению национального единства и национальной идентификации.

REFERENCES

- Abuja groans under refuse heaps. *Punch*, January 4, 2008.
- Abuja is underprivileged. *Saturday Tribune*, Ibadan, March 2, 1996.
- Abuja not different. *Vanguard*, August 7, 2008.
- Abuja: Thirty years as federal capital: editorial. *The Guardian*, November 5, 2006.
- Adebanwi W. Abuja as oxymoron. *Thisday*, February 27, 1997.
- Adebanwi W. The city, hegemony and ethno-spatial politics: The press and the struggle for Lagos in colonial Nigeria. *Nationalism and Ethnic Politics*, 2004, vol. 9, iss. 4, pp. 25–51.
- Best A. C. G. Gaborone: Problems and prospects of a new capital. *Geographical Review*, 1970, vol. 60, no. 1, pp. 1–14.
- Hamdan G. Capitals of the new Africa. *Economic Geography*, 1964, vol. 40, iss. 3, pp. 239–253.
- Harrison P. *Inside the Third World*, Harmondsworth, Penguin, 1993.
- Linge G. J. R. Canberra after fifty years. *Geographical Review*, 1961, vol. 51 (4).
- Low S. M. The anthropology of cities: Imagining and theorizing the city. *Annual Review of Anthropology*, 1996, vol. 25.
- Monnet J. Places of power and powers of place in the Americas. *Current Anthropology*, 1996, vol. 37, no. 3.
- Moore J. *Planning Abuja: The politics of new capital construction*, Princeton University, 1982 (BA thesis).
- Oloja M. Abuja at 16. *The Guardian*, December 13, 2007.
- Olusola A. Abuja: Nigeria's new capital. *Abuja: Concept Incorporated*, 1993.
- Potts D. Capital relocation in Africa: The case of Lilongwe in Malawi. *The Geographical Journal*, 1985, vol. 151.
- Salau A. T. A new capital for Nigeria: Planning, problems and prospects. *Africa Today*, 1977, vol. 24, iss. 4, pp. 11–22.
- Schatz E. What capital cities say about state and nation building. *Nationalism and Ethnic Politics*, 2004, vol. 9.
- Spodek H. From “parasitic” to “generative”: The transformation of post-colonial cities in India. *Journal of Interdisciplinary History*, 1975, vol. 5, no. 3, pp. 413–443.
- Symbol of Nigeria. *West African Pilot*, July 16, 1952.
- The Abuja monument. *Thisday*, Lagos, September 19, 2006.